

профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Мечты о прекращении войн¹

профессор Сергей Сергеевич Глаголев

В скорбные дни великого поста естественно более, чем в другое время останавливаться мыслью на скорбях людей страждущих. В великий пост мы призываемся к покаянию, к размышлению о том, кому и какое зло мы сделали. Эти невеселые размышления теряют свой острый характер, когда мы, думая о сделанном нами зле, в тоже время озабочиваемся, чтобы сделать какое-либо добро, зло сделанное одним возместить добром по отношению к другим. Но если даже этого зла и не было, если мы жили ни с кем не ссорясь и никого не обижая, то все-таки время поста должно быть временем усиленных забот о добре.

Во имя желания помочь находящемуся в крайне бедственном положении сербскому народу мы собрались сегодня. В великой мировой войне, начавшейся в половине прошлого года, сербы были первым народом, на который обрушились ужасы войны вызванной темными замыслами и вождениями габсбургской и гогенцоллернской монархии. Государство, насчитывающее 51 миллион жителей, устремилось на страну, заключающую их всего 3½ миллиона. Чтобы понять все несоответствие сил между нападающими и защищающимися, лучше всего сравнить столицу Сербии Белград со столицей Австрии Веной. В Белграде 80 тысяч жителей, в Вене – 2 миллиона. Нужно соединить 25 Белградов, чтобы получить население Вены. И однако этот маленький народ – сербский, родственник нам по происхождению, единый с нами по вере, борется и стоит против громадной австрийской армии, и венские бюллетени часто имеют очень неутешительный характер. И этот народ можно сказать воюет не только за себя, за свою самостоятельность, он воюет за жизнь и благо всех славянских народов, следовательно и за Россию. Недешево настоящая война обходится России, и у нас чувствуется нужда, но еще несравненно дороже обходится эта война Сербии, и сербская страна испытывает острую и мучительную нужду. Пусть мы окажемся в состоянии дать очень небольшое на удовлетворение этой нужды, но сколько бы мы ни дали, все пойдет на

пользу.

Нам приходится считаться с бедствием несравненно более ужасным, чем все исторически нам известные стихийные бедствия – неурожаи, эпидемии, наводнения и землетрясения. Зло, переживаемое нами, вдвойне отличается от них: во 1) по размерам. Мы не знаем стихийного бедствия, которое когда либо поглотило или искалечило бы миллион жизней. Теперь жертв войны несомненно гораздо более, чем миллион. Одних пленных теперь в разных странах, я думаю, не менее полутора миллиона. Во 2) при стихийных бедствиях не действуют ни злоба, ни зависть, ни ненависть. Бедствие, переживаемое нами порождено темными духовными силами – властолюбием, корыстолюбием, злобою, завистью. Когда человек теряет свое имущество при наводнении или оказывается искалеченным при землетрясении, ему сострадает весь мир. Теперь, когда сербы или мы терпим ущерб, добрые австрийцы и германцы, начавшее эту войну, ликуют. Разумеется, и мы не скорбим о том ущербе, который им наносим. Ужасы бедствия усугубляются сознанием, что бедствию сочувствуют. Если бы Белград или Лувен погибли от землетрясения, это было бы скорбью мира, но теперь, когда горят сербские или бельгийские города, добрые немецкие сердца исполняются ликованием.

Да, война ужаснее всех стихийных бедствий. И вместе с тем, представьте, война есть единственное бедствие, над которым люди имеют власть. Молнии и громы – не в нашей власти, хотя мы и изобрели громоотводы. С болезнями и неурожаями люди науки и дела справляются плохо, а наводнения, землетрясения и извержения вулканов до сих пор являются силами непреодолимыми. В лучшем случае, когда эти бедствия предвидят, могут предписать бегство. Но война? Ее изобрели люди и повидимому люди властны ее уничтожить. Можно сказать более: война более зависит от нас, чем от Бога. Блаженный Августин сказал: „Бог мог создать нас без нас, но спасти нас без нас не может“. Если мы захотим пребывать во зле, Бог не поведет нас в рай насильно. Но мы как будто хотим рая. И много уже произнесено речей и написано книг о прекращении и уничтожении войн. Люди мечтают, что будет время, когда люди не будут воевать.

Наступит ли такое время? Осуществимы ли мечты о всеобщем мире? В тяжелые дни войны этот вопрос особенно настойчиво поднимается в душе. Давайте подумаем об ответе на него.

Если мы обратимся ко прошедшему, поскольку нам известно это прошедшее, мы постоянно встречаемся с двумя фактами: 1) с существованием войны и 2) с сознанием, что война есть ненормальное явление. „Война есть естественное состояние народов“, писал древний писатель. И оно действительно представлялось настолько естественным, что люди верили в существование богов войны. У индусов почитался Индра – неистовый бог войны. Причем поучительно, что проникательные жители Индостана уже в глубокой древности установили связь войны с пьянством. Индра любит пить сому – божественный опьяняющий напиток; когда он напьется, он становится особенно воинственным и особенно страшным. Может быть в этом представлении уже подсказывается средство если не для уничтожения, то для сокращения войны; отнимите сому, какими бы именами она ни называлась, не у богов, конечно, а у людей, и войны сократятся.

У греков почитался бог войны Арей. Но если индусы соединили своего бога войны связью с вином, то греки связали Арея с богиней раздоров – Эридой. Война есть внешнее выражение раздора. Арей – бог войны является только тогда, когда уже сделала свое дело Эрида. Первая греческая война – полумифическая, а может быть и полуисторическая – в своем исходном моменте порождена Эридой. Была свадьба богов Пелея и Фетиды. Все боги были приглашены на пир, но не была позвана лишь Эрида. Боялись, что богиня раздоров затеет раздоры на свадьбе. Но от Эриды не убереглись. В самый разгар пира она отворила дверь в залу пирующих, бросила яблоко и сказала: прекраснейшей. И вот, между богинями завязался знаменитый спор о том, кто из них прекрасней всех? Третьим судьей был избран красавец Парис, который признал прекраснейшею богиню любви Афродиту. Афродита в награду за это отдала Парису жену Менелая Елену, прекраснейшую женщину Греции. Похищение чужой жены было причиной десятилетней троянской войны. Если индус – человек волшебных грез и волшебных напитков – подчеркнул связь войны с вином, то грек – этот тонкий ценитель красоты и женщины указал на связь войны с женщиной. Так было встарь, так остается и теперь.

Римляне почитали бога войны Марса. Самый Рим был основан Ромулом, сыном Марса. Германцы знали бога гроз и войны Тора, и мы, славяне, до Владимира, почитали Перуна, который, в сущности был

славянским Тором. Для нас важнейшим источником по всемирной истории является Библия. И здесь начало истории является вместе с тем началом раздоров, борьбы и войн. На первых страницах первой священной книги мы читаем, что первый человек упрекает Бога и осуждает свою жену: „жена, которую Ты, т. е. Бог, мне дал, дала мне от дерева (запрещенного), и я ел“ (Быт. 3, 12). На следующей странице мы читаем, что брат убил брата – (Каин-Авеля. 4, 8). Еще не много далее, когда образовались народы, мы видим постоянные войны между народами. Собственно история в нашем смысле начинается в Библии словами: „и было во дни Амрафела, царя Сennaарскаго, Ариоха, царя Елассарскаго, Кедорлаомера, царя Еламскаго, и Фидала, царя Гоимскаго, пошли они войною против Беры, царя Содомскаго, против Бирши, царя гоморрскаго, Шинавы, царя Адмы, Шемевера, царя Севоимскаго, и против царя Белы, которая есть Сигор» (14, 1–2). В эту войну был вовлечен и мирный отец верующих Авраам.

Войны были изначала и в течение веков они росли и множились. Сначала – мелкие столкновения мелких племен, затем столкновения народов, затем грандиозные походы в отдаленные страны. Сначала борьба примитивным способом, напоминающим наши не так давно исчезнувшие из житейского обихода драки, затем – введение в дело шлемов, щитов, колесниц, осадных орудий, сначала – война на суше, а потом – и на море. Далее – введение ружей, пушек, мин, бомб, взрывчатых веществ. Раньше – борьба на суше и воде, теперь – борьба под водою при помощи подводных лодок и борьба в воздухе с летательными аппаратами. Раньше – борьба отдельных народов, в настоящий момент – война, которая должна быть названа всемирною. Война росла, а **не малилась**. О смягчении ужасов войны говорились прекрасные академические речи, но ужасы ее лишь возрастали.

И за всем тем в человечестве всегда жило убеждение, что война вовсе не есть естественное состояние народов. Война есть зло, грубо и насильно вторгшееся в жизнь человечества. Изначала не было войн и в конце концов их не будет. Такова вера человечества.

Этой вере отвечает библейское повествование. Библия учит, что в начале все было „хорошо весьма“ (Быт. 1:31). И это не по человеческой, а по божественной оценке. Люди жили в раю сладости и не знали, что такое зло. Если хотите, они не знали и что такое добро; не знали, потому что

одно добро царило в мире. Мы познаем вещи по сравнению и противоположению, но тогда добро не с чем было сравнивать и не чему противопоставлять. Как естественно для матери любить своего ребенка и давать ему все нужное, так для первых людей естественно было любить все живое и помогать и содействовать всякому проявлению жизни. Но райская идиллия продолжалась недолго. Завистью диавола зло вошло в мир, и созданся теперешний ненормальный мировой строй.

Но тоска по идеальном строе жизни осталась. У разных народов мы находим предания о золотом веке. Сказания о том, что некогда твари не пожирали одни других, что даже неодушевленная природа не страдала от людей, что люди относились друг к другу лучше, чем теперь к брату относится брат. И такие сказания вы найдете и у высоко культурных греков и у диких африканских людоедов – фанов и у древних персов. Персидское сказание об изначальном блаженном времени очень напоминает библейское. Дэв – злой дух из полчищ Аримана – соблазнил первых людей вкусить от плодов (запрещенных), и из ста преимуществ, которые у них были, у них не осталась ни одного². Легенда фанов учит. Все люди сначала были вместе, они ходили посреди дороги, по обоим сторонам которой было по дереву, и все пребывали с Богом. Но мы не стали повиноваться. Тогда Бог сказал: вы злы, я ухожу, и мы остались одни. У греков мы находим поэтические описания золотого века, и что особенно важно, мы находим доказательство, что представления золотого века, не являются позднейшим созданием греческого гения захотевшим представить, что его идеалы уже были осуществлены в прошедшем. Так писатели XVIII века изображали нам в райском виде жизнь первобытных дикарей. Так писатели XVII века идеализировали нам жизнь церкви первых веков. Но не то у греков. У них в их древнем культе мы находим отзвук преданий о золотом веке, а культы – особенно древние – не создаются философами. Их создает жизнь. В месяце гекатомбионе, падавшем приблизительно на наш июль, у греков праздновались кронии. Название происходит от Кроноса, при котором был золотой век. Во время этого праздника господа прислуживали своим рабам, ибо в век Кроноса не было рабства. Рабы приобретались завоеванием, войною, а тогда не было войн. Так естественное сознание народа рассматривало рабство и войну, как явления греховные и ненормальные. А философская мысль, эмансипировавшаяся от религиозной традиции и запутавшаяся среди пестроты явлений, провозгласила войну и рабство естественными явлениями. Естественность и законность рабства признавал и Платон. Как

будто чем дальше жило человечество, тем больше оно осваивалось с окружающим его и внедрившимся в нем злом и тем более привыкало ненормальный строй жизни считать нормальным.

Но есть закон жизни, принуждающий бороться со злом, следовательно и с войною. И мы видим, что практические побуждения заставляли людей сдерживать развившиеся воинственные инстинкты и прекращать войны.

Есть одна картина, изображающая событие из времен древних. Римляне и сабиняне готовы вступить в бой между собою. С обнаженными мечами они наступают друг на друга. Но вот – между врагами врываются женщины –сабинянки по происхождению, римлянки по замужеству, они простирают руки к тем и другим, умоляя братьев и мужей вложить мечи в ножны и превратить кровавое столкновение в дружественное свидание. Они успели в своих мольбах. Они оказались победительницами войны и создательницами мира. Но они действовали не по идеальным, а по родственно практическим соображениям. Война в данном случае являлась бессмысленной и в сущности братоубиственной. Ни та, ни другая сторона не могла из войны извлечь выгод. Победят сабиняне, они сделают своих сестер и дочерей вдовами; победят римляне, они сделают своих жен сиротами и врагами себе. Так практические соображения нередко могли заставлять опускать меч в ножны раньше, чем он обгагрался кровью.

Христос сказал: „какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство – просить о мире“ (Лк. 14:31–32). К несчастью не всегда этот текст помнили. Не вспомнил о нем и Вильгельм II, объявив войну миру, разуму и правде. Но были, которые помнили этот текст и руководясь им, старались избегать войн.

Практические соображения заставляли смягчать ужасы войны. От бесчеловечных расправ с мирными жителями и пленными воинами стали воздерживаться, потому что «как аукнется, так и откликнется». Немцы в настоящую войну совершили уже не мало возмутительных зверств. Но без сомнения эти добродушные и благородные люди перебили бы всех до одного пленных, ограбили бы до последней нитки мирных жителей, сделав их своими рабами, если бы им не предносилась печальная перспектива

того, что и с пленными немцами не станут нежничать. От этого происходит, что, заставляя пленнх голодать, они однако не доводят их до голодной смерти.

Практические побуждения заставляли сокращать время войны. Средневековые властители западной Европы постоянно воевали между собою, но объединенные одною верою они во имя этой веры порой прекращали войну. Средние века знали мир Божий, первоначально введенный клюнийскими монахами в Бургундии и потом утвержденный во всей средней и южной Европе. Запрещалось воевать с вечера среды до утра понедельника, в важнейшие праздники и в важнейшие дни поста. Разумеется, запрещения соблюдались не всегда. В XIII веке мир Божий был забыт. Попытка поставить на его место мир земский оказалась безрезультатной. На Руси тоже были попытки ввести нечто в роде Божьего мира. Владимир Мономах уговаривал русских князей не воевать между собою во время великого поста. Так единство религиозных потребностей и обязанностей заставляло христиан в священные дни слагать оружие и пролитие крови заменять молитвой. Тоже самое мы находим у мусульман. В их лунном году есть месяц Зюль-хадж, месяц паломничества. Каждый мусульманин – хотя раз в жизни – обязан совершить в этот месяц паломничество в Мекку и вот в этот месяц должны прекращаться войны и распри между различными мусульманскими племенами. Так, единство веры заставляло из годов войны вырывать месяцы мира. Но понятно, что, когда на место веры стало становиться безверие, одна из причин для сокращения войн исчезла.

Практический мотив, заставлявший с древнейших времен воздерживаться от войн, в сущности формулируется русскою пословицею: „худой мир лучше доброй ссоры“. Но этот мотив никогда не был общепринятым. С древнейших времен мы встречаемся с другим своеобразным принципом, что мира можно достигнуть посредством ссоры или вражды – посредством войны. Этот принцип, я полагаю, обусловливается непониманием того, что средства и цели неразделимы. Если вы обратитесь к истории мира, как ее представляет Библия, то увидите, что диавол всегда предлагал хорошие цели, только для достижения их он рекомендовал преступные средства. Диавол предложил первым людям познание и свободу. Тоже самое предложил потом Христос: „познаете истину, и истина сделает вас свободными“. Только диавол для достижения цели рекомендовал нарушение воли Божией, а

Христос требовал её исполнения. Можно сказать человеку: воруи, и ты будешь богат, и можно сказать: трудись и ты будешь богат. Цель одна, только средства разные. Дьявол, возведя Христа на высокую гору и показав Ему все царства мира и славу их, предложил: „все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне“ (Мф. 4:9). Дьявол отдавал Христу, т. е. воплощенному добру мир, но требовал за это, чтобы добро поклонилось злу. Таким путем добро не может быть достигнуто. Между тем в истории мира от глубокой древности и до ныне мы встречаем порою бессознательное, порою сознательное стремление к объединению всего человечества путем насилия и чрез это к уничтожению войн. Народам присуща идея, что на них лежат исторические миссии. Как каждый человек сознает, что он должен исполнить некоторые обязанности по отношению к другим, так народ, поднявшийся до национального самосознания, сознает, что у него есть обязанности по отношению к человечеству. Только народы легко при этом впадают в искушение. Каждый народ легко свыкается с мыслью, что он – род избранный и что его обязанности заключаются не в том, чтобы служить человечеству, а в том, чтобы своей верой, своим законом и своей властью подчинить все человечество.

И вот – мы видим, ассирияне почитали бога Ассур и считали своею религиозно-политическою обязанностью подчинить этому богу известные им народы. Вавилоняне почитали Мардука и представляли, что именно он привел в порядок мировой строй и ослабил действие злого начала – Тиамат – в мире. К ногам Мардука вавилоняне естественно желали привести весь мир. Но ни ассирияне, ни вавилоняне не пошли с проповедью об Ассуре и Мардуке, они вышли с луками, копьями, мечами и колесницами и во славу своих богов лили кровь народов передней Азии и восточной Африки. Они думали объединить народы под своею властью и властью своих богов, но не объединение, а разъединение внесли они в мир, они не создали единого обширного государства, но они уничтожили союзы государств. И конец их и их замыслов был – гибель.

На смену их выступили мидо-персы. Они шли на народы во имя благого бога Агура-мазды, который запрещал убивать не только людей, но и животных, если в этом не было нужды, который запрещал приносить ему кровавые жертвы. И однако думая служить Агура-мазде, персы служили его противнику Ангра-метусу, олицетворению злого принципа, они лили кровь и убивали создания благого Агура-мазды. Легенда о смерти Кира,

отрубленная голова которого будто бы плавала в крови, по поводу чего было замечено, что пусть он напьется крови по смерти, если не мог – хотя и хотел напиться ею при жизни, эта легенда показывает, что в сознании древних народов Кирь трактовался так же, как трактуется теперешним культурным человечеством кровавый кайзер наших дней. Камбиз, убивший быка аписа, оскорбил религиозное чувство египтян, но не оказал услуги Агура-мазде, ибо бык есть создание Агура-мазды.

Притупился и меч персов. На встречу им двинулся народ тоже с целью покорить народы, но уже не во имя религиозно-политического, а во имя культурного принципа. Эллины хотели подчинить варваров, чтобы приобщить их к эллинской образованности. Александр Македонский нес не только меч, но и культуру народам. Но в этой культуре в конце концов не оказалось ни физической силы, ни нравственной мощи. Она не могла покорить народы грекам. Если персы в роли вселенной владык могли продержаться около двух столетий, то греческое владычество обнимает собою лишь правление Александра Македонского, умершего всего лишь 33-х лет от роду.

За всем тем ассиро-вавилонские, мидо-персидские и даже эллинские завоевательные движения были, пожалуй, не просознанными. Сознательно к покорению мира первыми начали стремиться римляне. Народ права и порядка, римляне смотрели так, что благополучие народов обуславливается хорошими порядками и законами. Они их имеют и они должны дать их миру, а для этого они должны покорить мир. Их верховный бог – Юпитер – в их представлении был богом права. В эпоху Августа свою историческую миссию римляне исповедывали уже ясно и твердо. „Юпитер говорит Венере про римлян вселенной владык, народъ одеянный тогой“.

Этих власти уже ни границ, ни времен я не ставлю:
Царство им дал без конца

.....
Тут с устранением войн времена укротятся крутые,
Верность седая и Веста и Рем при брате Квирине
Будут законы давать; железом затворов запрут
Грозные двери войны (Ин. I, 278, 279, 282, 291–4)³

Храм Януса у римлян отпирался только во время войны. Уже в древности восхвалялись цари, при которых он оставался закрытым.

Вергилий мечтал, что некогда он закроется навсегда. Но эти мечты Август, которого воспевал Вергилий, хотели осуществить силою меча. И меч Августа столкнулся с мечом нового народа, который сокрушил легионы Августа и впервые поколебал мощь Рима. Это был народ германцев. Может быть на деле германцы и не так воинственны, как римляне, но в своих мечтах и грезах они являются гораздо воинственнее. Римляне воевали, но войнами они хотели положить конец войне. Когда Катон говорил: *praeter ea puto, Carthaginem delendam esse*, он разумел, что в разрушении Карфагена заключается залог благополучия и мира. Германцы не только не думали о конце войн на земле, но с их точки зрения и небесный рай немислим без войн. Без драки для них и рай не был бы раем. Их блаженное обиталище усопших – валгалла открывает свои двери прежде всего для воинов павших в бою, а потом для воинов вообще. Блаженная жизнь валгалльских героев заключалась в том, что они каждое утро с пением петухов выходили на бой между собой и добросовестно дрались до полудня. В полдень все полученные раны заживали, к героям возвращались силы, здоровье и аппетит, и они садились обедать. Верховный бог один впрочем, не обедал, он только пил вино, а герои присоединяли к вину сало кабана Земимпира и мед из вымени козы Гейдрун. У нас часто иронизируют над раем Магомета. Напрасно. Во 1) кораном по его духу и характеру отрицается возможность грубо чувственного рая. Во 2) и в фантастическом магометовом рае, где верные вкушают блаженство в объятиях гурий, безусловно нет места вражде и драке. Между тем как немцу для блаженства, оказывается, необходимо давать кому-нибудь в зубы. Христианство, разумеется, изменило теоретически представления германцев о рае, но вождельня их остались те же. Они должны покорить себе Европу, а за нею уже и весь мир.

Вождельня эти сказываются и в немецкой науке. Мы признаем себя арийскою расою. Арийская раса делится на две ветви: азиатскую и европейскую. Азиатскую ветвь главным образом представляют индусы; поэтому вместо выражения „арийская раса» мы часто употребляем выражение „индоевропейская раса“. Но немцы говорят не так, они употребляют термины „индогерманская раса“. Кельтские, романские и славянские народы ими считаются ни за что. Европа находит свое выражение в Германии.

Желаемое германцы стали считать достигнутым. Полагая счастье человечества – а прежде всего, разумеется, свое собственное в том, чтобы

они владели миром, германцы вообразили, что они имъ уже владеют. Они приказали Австрии наказать Сербию. Позже германский император решил присоединить предательскую Бельгию к прекрасным провинциям Германии, взять Париж у выродившейся Франции и послать карательную экспедицию в варварскую Россию. В этом решении германского императора, за которым стоит нация, представляется много странного. Зачем предательскую страну присоединять к прекрасным странам? Зачем так тянуться к городу созданному трудом и гением выродившейся нации? Затем, нерискованно ли посылать карательные экспедиции к варварам? Ведь, Вар со своими легионами шел некогда покарать варвара Арминия и его варварские полчища. Но германский варвар Арминий уничтожил легионы Вара. А теперь трупы германцев, собравшихся карать нас, гниют и отравляют воздух на нашей западной окраине и в восточной Пруссии. Всемирная германская монархия, кажется, умерла, не родившись. Наполеон некогда достиг гораздо большего, чем Вильгельм II до войны. Римляне были владыками мира. Александр Македонский покорил все, встретившееся ему на пути. Но германский император оказался сильным, лишь пока угрожал. Его переход от угроз к действиям оказался самоубийственным.

Идея всемирной германской гегемонии сама по себе является более нелепою, чем дохристианские мечты о всемирных монархиях. Объединение на началах культуры, предпринятое Александром Македонским, не заключает в себе внутреннего противоречия. Объединение на началах права и порядка при различии религий, предпринятое Римом, с точки зрения римского политеизма не представлялось чем-то немислимим. У политеизма есть своя толерантность. Римляне построили пантеон и в нем рядом с римскими богами гостеприимно представили место и Митре и Изиде и многим иным богам различных народов и стран. Этот союз религий не вызывает удивления. Политеистические народы рядом с своими богами допускали существование у других народов своих богов. Совсем другое дело – союз, который мы наблюдаем ныне. Протестант Вильгельм называл папу Льву XIII своим другом и сверху образа Ченстоховской Божией Матери приказал поместить изображение папы и свое. Здесь можно растеряться. Почитание икон с точки зрения протестантской есть суеверие. Признание непогрешимости папы с их точки зрения есть кощунство. В какую же компанию попал протестантский император? В компанию, поощряющую суеверия и кощунство. Но это еще только цветочки. По благодетельному

приказу христианского императора мусульмане должны объявить священную войну (газават) христианам. Что же это за христианский император, объявляющий себя главою протестантизма? Мошенник, готовый эксплуатировать ислам и католичество в своих корыстных целях, или сумасшедший, в представлении которого смешиваются и отождествляются папа и Магомет, изображение полумесяца и образ Божией Матери. Имеем ли мы здесь дело с потемнением ума или потемнением совести, мы одинаково не желаем и не можем желать успеха этому преступному начинанию и уверены, что этого успеха не будет.

Когда у Рима не стало легионов, папы стали посылать в мир новые догматы. Вместо мечей они стали посылать идеи. Наоборот, в Германии, когда не стало философии – а она сейчас влачит там жалкое существование, – Германия послала миру пушки, бомбы, подводные лодки и цеппелины. Рим начал с кулака, а кончил идеями. Германия начала с идей, а кончила кулаком.

На попытке Германии, поднявшей меч на весь мир, оправдаются слова Христа „все взявшие меч, мечем погибнут“ (Мф. 26:52; Откровение 13, 10).

Но в той же Германии, как и во всех странах мира, есть люди, мечтающие о создании всеобщего мира и благополучия как будто и без войны. Говорю: как будто, потому что образ их действий, которым они хотят реализовать свои идеалы, никак нельзя назвать мирным. Я разумею социалистов. Они хотят дать всем людям обладание истиной и свободой и установить между всеми братство и равенство. Прекрасная цель! Она как будто является осуществлением завета Христа»: „Познаете истину, и истина сделает вас свободными“ (Ин. 8:32). Но вот в чем дело. Ведь, и диавол первым людям предлагал тоже самое. Будете знать доброе и злое, т. е. будете знать истину, и будете, какъ боги, т. е. будете могущественны и свободны.

Свобода есть удел граждан царствия Божия. Но царствие Божие не есть географическая территория, определяемая какими-либо широтами и долготами: человек, находит его в самом себе. «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лук. 17:21). При другом случае Христос сказал: «царство небесное силою берется, и употребляющее усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Под царством небесным здесь разумеется тоже царствие Божие (см. Лук.

16:16). Оказывается, что нужна энергичная самостоятельность, нужно употребление силы и усилий, чтобы стать членом царствия Божия, быть в истине и свободе. Бог и диавол предлагают одно и то же человеку: истину и свободу. Но средства предлагаемые ими совершенно различны. Бог предлагает человеку свободную самостоятельность споспешествуемую Божественною благодатью. Диавол предлагает сделку кажущуюся необыкновенно выгодною. Никаких трудов, никаких усилий, а так какие-нибудь пустяки: обмануть кого-нибудь, взять себе непринадлежащее, присвоить себе чужие права или власть, вообще допустить ложь или произвести стеснение чей-либо свободы, и от этого должны восторжествовать истина и свобода. Трагический характер человеческой истории и обуславливается тем, что от дней Евы и до настоящего времени люди поддаются на удочку диавола и стремятся обрести царствие Божие без трудов и усилий путем дешевой сделки с диаволом. Человеку присущи стремление к истине, добру и красоте. Человек сознает, что его долг – знать истину. Он не обязан знать интриги и конспираций своих ближних, но обязан знать высшую истину, определяющую все его обязанности. Обязан знать правду. Обязан взыскать её. Мы знаем, что лучшие люди всех времен искали ее. Мы читали, как искали правды св. Иустин, блаж. Августин, св. Владимир. Но вот – выступает диавол и начинает нашептывать: «вам нечего искать истины, вы ее уже знаете. Истина есть то, что вы видите. Чего вы не видали, того и не существует. Вы не видали Бога, Его и нет. Пред вашими глазами не совершалось чудес, их не бывает. Вам не являлись обитатели иных – духовных – миров и ваши умершие, потому что нет никаких миров кроме этого материального. Все живущее живет в этой материальной вселенной. Не ищите ничего высшего, потому что нет ничего выше вас. Зная себя, вы знаете высшее проявление разума, знаете всю мировую разумность. Вы то именно и суть боги и нет никаких богов высших, чем вы. Но если вы боги, хотя и ограниченные природною необходимостью, то поскольку вы не связаны этою необходимостью, вы сами себе закон. Вы сами определяете себя». Повидимому, здесь торжество свободы, но это только повидимому. Здесь только мираж свободы. Во-первых, здесь человек действует, не зная истины, действует во имя мнимого знания. Его способность к самоопределению уже обманута. Во-вторых, не зная высшей истины, он подчиняется в своем самоопределении, как истине, тому, что один английский мыслитель назвал духовным климатом момента. В каждую эпоху и в каждом месте существуют умственные течения, настроения, стремления, догматы; за них ухватываются люди, не хотящие принять Бога по наследству от предков,

как внешний авторитет, и не употребляющее усилий, чтобы ощутить Бога истины в себе. Чтобы быть счастливыми, нужно знать истину, нужно быть мудрыми. Дьявол дает чрезвычайно простой рецепт счастья: «обманите себя, сочтите ваше незнание знанием и ваше невежество мудростью, и вы будете счастливы».

Человек сознает, что он должен делать добро, должен воспитывать добро в себе и других, должен стремиться к тому, чтобы вокруг него, как в шестой день творенья, все было «хорошо весьма» (Быт. 1:31). Но воспитывать в себе добрую настроенность очень трудно, воспитывать такую настроенность в других еще труднее. Между тем все дело в том, чтобы душа человека была добра, тогда и все дела его будут добры, и будет царство добра. На земле очень много блага, и если бы люди были добры и любили друг друга, то тогда этих земных благ у каждого было бы столько, сколько ему нужно. Христос и сказал об этих благах: «ищите прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Но является дьявол и говорит: ищите прежде этого всего, а царство Божие и правда Его приложатся сами собою; прежде всего нужно, чтобы люди имели блага. Отнимите у имущих и отдайте неимущим. Ущерб причиненный немногим дает довольство многим. Предложения духа тьмы всегда крайне однообразны: станьте рабами, и вы получите свободу; причините зло, и вы создадите счастье. Путем ограбления богатых создается счастье мира. Какой простой путь! В Макбете Шекспира мы читаем рассуждение маленького Макдуффа узнавшего, что лжецов и клятвопреступников, вешают честные люди: «лжецы и клятвопреступники значит дураки, потому что их слишком достаточно для того, чтобы перебить и перевешать честных людей» (Pearson's Shakespeare. edit, by Howard Staunton. Vol. III. p. 504). Изменяя это рассуждение, должно сказать: бедные люди значит дураки, потому что их слишком достаточно для того, чтобы они могли ограбить богатых. Эксперимент слишком прост и на пространстве веков он производился многократно и многообразно. Результат его всегда был один и тот же. Символически он изображен в библейском описании сна фараона. «Сказал фараон Иосифу: мне снилось: вот, стою я на берегу реки; и вот, вышли из реки семь коров тучных плотью и хороших видом и паслись в тростнике; но вот, после них вышли семь коров других, худых, очень дурных видомъи тощих плотью: я не видывал во всей земле Египетской таких худых, какъ они; и съели тощие и худые коровы прежних семь коров тучных; и вошли тучные в утробу их: оне были так же худы видом, как и сначала. И я проснулъся» (Быт. 41:17–

21). Если бы счастье мира зависело от перераспределения богатств, это давно было бы сделано. Напрасно думают, что в течение тысячелетий люди не догадались сделать того, что так легко сделать. Но попытки сделать это легкое приводили всегда к повторению картины сна фараона: тощие коровы, пожрав тучных, не становились полнее. Бывало и нечто худшее. Убиение курицы несущей золотые яйца заставляло еще более худеть тех, которые и раньше были тощи. Если бы можно было разделить поровну не только материальные блага, но и знания и умение работать, то и тогда, – хотя и значительно увеличилось бы благополучие человечества, – осталась бы безграничная территория для проявления зла: зложелательство, злорадование, зависть продолжали бы отравлять жизнь. Абсолютного равенства создать нельзя: у одного может нос оказаться красивее, чем у другого. Тот может носить платье красивее, чем его ближний. А зависть действует главным образом в области малых, а не больших неравенств. Бедняк, имеющий пятак, обыкновенно завидует не миллионеру, а своему соседу, имеющему гривенник. Но люди могут делить только деньги и вещи. Они даже не могут разделить понимания вещей. Тем более они не могут разделить знаний, способностей, склонностей. Практический идеал человечества можно свести к трем началам:

1) Чтобы на земле каждый мог получать потребные ему блага. 2) Чтобы существовал такой порядок или строй, при котором каждая индивидуальность имела бы возможность полного и совершенного развития. 3) Чтобы тяжелая сторона труда была сложена не только с людей, но и с животных на машины, и чтобы людям была оставлена только работа усовершенствующая их физически и духовно. Для достижения первой и третьей цели нужно всестороннее развитие техники, которое может быть достигнуто только временем, трудом и гением. Достижение второй цели стоит в зависимости, как от развития техники, так и от морального развития человечества. При невысоком состоянии техники и при невысоком моральном развитии проведение принципа равенства, не допускающего никому подняться над уровнем посредственности, будет давить все выдающееся, приведет к гибели гения, остановит прогресс или – вернее – сообщит движению человечества обратное направление. Это и нужно темным силам зла. Равенство есть начальное состояние людей и оно должно стать их идеальным состоянием. На пути от этого начала к этому идеалу стоит дифференциация. Сокрушить ее дубинами, как сокрушали варвары старого времени статуи Фидия и Праксителя, нельзя. Нельзя и уничтожить ее бомбами, как уничтожают неудобных людей

варвары нового времени. Двойное зло происходит от этого дикого способа уничтожения зла.

Озлобление развивается в тех, кому или близким кого грозят бомбами, и в тех, которые хотят при помощи бомб вести войну ради торжества добра. Происходит умножение зла. Торжество добра отодвигается за горизонты будущего. В современной печати очень нередко встречаются рассуждения, что ненужно заниматься филантропией, нечего помогать бедным и несчастным. Что, говорят, может выйдти из такой филантропии? Пять–десять бедняков будут выведены на хороший и счастливый путь, но нищета, страдания и зло останутся. Нет; нужно сразу совершит радикальный переворот и уничтожить зло. Во имя этих рассуждений бросают отцов, матерей, братьев и сестер в нужде и страданиях и уходят на великую борьбу со злом. Не хотят довольствоваться малыми подвигами, хотят подвиг в великих. Евангелие обещает награду и за чашу студеной воды, но они думают, что если напоить и накормить десять человек, то и это ничего не стоит. Они хотят облагодетельствовать или, по крайней мере, 160 миллионов русского народа или – еще лучше – полторы тысячи миллионов всего человечества. Но если бы все так действовавшие и действующие своеобразные идеалисты запас своих сил – а этих сил у них не мало – отдали на служение материальному преуспеянию и культурному развитию бедных и низших слоев населения, то они теперь бы уже далеко подошли к намеченному ими политическому, социальному и экономическому идеалу. Но они хотят путем одного переворота добиться того, чего можно достигнуть лишь медленным и долгим поступательным движением. Вследствие этого идеал равного развития и равного благосостояния людей остается далеко, далеко. А те, которые думают, что они осуществят этот идеал завтра или после завтра, страдают и причиняют много тяжких страданий и своим близким, и своим врагам.

Крушение попыток или по крайней мере неудовлетворительные результаты попыток утвердить добро посредством зла издавна послужили поводом к созданию своеобразных приемов борьбы со злом, которые в последнее время получили название непротивления злу. Ненужно бороться со злом, и оно исчезнет само собою. На нас с вами идут с войною. Не будем воевать, и те, которые шли на нас, не встречая сопротивления, опустят свои мечи. У нас, да и не только у нас, но и на западе, распространено представление, что эту теорию создал граф Л. Н.

Толстой. Нет; эта теория существовала за тысячелетия до Толстого, а им она предложена в самой неудачной форме и в самое неподходящее время. Я лично родоначальником этой теории считаю китайского мудреца Лао-тци. Лао-тци был современником Конфуция и считается основателем таоизма.

Лио-цзы, ученик Лао-тци, рассказывает: однажды Конфуций встретил двух мальчиков, споривших между собою. Он остановился и спросил: о чем они спорят? Первый сказал: «я утверждаю, что солнце при восходе ближе к нам, а в полдень, когда достигает наибольшей высоты, дальше, потому что при восходе оно кажется больше колеса, а в полдень не больше блюдечка». Второй возразил: «я утверждаю, что утром солнце бывает дальше, а в полдень всего ближе к нам, потому что утром бывает холодно, а в полдень, благодаря солнцу, тепло». Конфуций сознался, что не может решить этого спора. Мальчики стали смеяться, говоря: «ступай, а еще говорят, что ты ученый». Неизвестно, как сами таоисты разрешали это недоумение о несоответствии величины солнца с подаваемым им теплом, но этот рассказ ясно показывает, что к конфуцианской мудрости таоизм относился иронически. Отношения Конфуция к мудрости Лао-тци легенда представляет совершенно иными. Конфуций посетил Лао-тци и, говорят, излил пред ним всю горечь по поводу неудач в своих предприятиях: властители отказывались допускать его к участию в управлении, ученики покидали его и не слушали его учения. Лао-тци сказал: «если известно, что болтун грешит в доводах и что слушателя сбивает с толку чрезмерная болтовня, то путь (Дао – или Тао) никогда не может быть забыт... Мудрец чуждается света... не доверяется всякому встречному и сообразуется с временем и обстоятельствами. В добрые времена он говорит, в тяжелые безмолвствует. Владелец сокровища скрывает его от всех, чтобы сокровища не похитили, и никому не разглашает, что у него есть сокровище...» Истинно добродетельный не выставляет напоказ свои добродетели, «не трубит в уши всех и каждому, что он добродетелен и мудр». Возвратясь к ученикам, Конфуций сказал: «знаю, что птицы летают, рыбы плавают, звери бегают, однако бегущих можно остановить тенетами, плавающих – сетями, летающих – стрелой. Но что касается дракона, я не знаю, отчего он носится на облаках и поднимается к небу. Сегодня я видел Лао-тци и могу уподобить его только дракону». По другим сказаниям, Конфуций сказал будто бы: «вообразите себе дракона, кольцами неизмеримого туловища объемлющего всю вселенную. Таков разум Лао-тци». Сказал ли это Конфуций или нет, но эти слова возможны

в его устах. Конфуций был человеком города, постоянно вращался со множеством людей и много говорил. Лао-тци был человеком безмолвия и пустыни. Оба они любили добро и оба верили, что природа человека по существу добра. Но при своих попытках воплотить добро Конфуций постоянно терпел неудачу и, может быть, прислушиваясь к голосу своего сердца, он замечал, что неудачи и его самого делают недобрим и неустойчивым, заставляют раздражаться и поступаться принципами. В Лао-тци он увидел могучую и спокойную нравственную силу, которая не страшится никаких бурь. Спокойствие Лао-тци прежде всего утверждалось на вере в Тао. Слово «Тао» или «Дао» собственно значит дорога, путь. Книги таоизма определяют его образно и многообразно. Толкуя эти определения, под ним хотели понимать мировой разум, неоплатонический *λόγος* откровением которого является вселенная. Но, невидимому, понятие Тао и шире и уже понятия неоплатонического *λογος*. *Λογος* неоплатоников есть божество, представляет собою действительную реальность. Тао Лао-тци не бог, да Лао-тци в своей системе и не отводит места божеству. Таким образом Тао как будто уже *Λογος*'а. Тао только потенция бытия. Но с другой стороны Тао есть и самое бытие, все существующее, и тогда понятие его становится несравненно шире понятия *Λογος*'а. Лаотци говорил: если бы я был одарен благоразумием, я шел бы по великому Тао... Великий путь совершенно равен, но люди любят ходить по тропинкам... Тао больше, чем путь. Это – путь и путник вместе. Это – вечная дорога, которую проходят существа и предметы. Ее не создало никакое существо, так как оно само есть сущее. Оно все и ничто, причина и следствие. Все происходит из Тао, пребывает в Тао и возвращается в Тао... «Тао наполняет вселенную своим величием, хотя оно так утончено, что вполне помещается на кончике паутинной нити. Оно заставляет солнце и луну идти по их пути и дает жизнь мельчайшему насекомому; бесформенное, оно – источник всякой формы, беззвучное, оно – источник всех звуков, невидимое, оно – основа всякого видимого предмета, бездействующее, оно – причина всякого действия, оно – безлично и безстрастно, безжалостно достигает своих целей и однако всюду распространяет благоденствие». Мне кажется, я буду недалек от мысли философа – отшельника, если, руководясь приведенными и подобными определениями Тао, резюмирую учение о нем таким образом. Тао, это – естественные законы бытия и вместе осуществление их в бытии. Законы бытия, это – премудрость; осуществление их, это – благо. Отсюда мораль: должно осуществлять естественные законы, должно жить согласно с природой.

Но горе в том, что кроме природы естественной явилась природа искусственная. Под естественной природой разумеется то, что просто, чисто, неосквернено, неискусственно, прямо, светло, безгрешно и никогда не подвергалось чуждым примесям или какой-либо подделке. Вол имеет рога и раздвоенные копыта, лошадь – гриву и цельные копыта, это – природа естественная. Но если вложить в рот лошади удила и проткнуть ноздри вола, это будет природа искусственная». Применяя эту философию к нашим обычаям и нравам, можно сказать так, если у меня мало на голове волос, то это – природа естественная, а если я прикрою париком этот недостаток, то это будет природа искусственная. Мертвенный цвет моих губ – природа естественная. Если я покрою их губной помадой, их ярко-красный цвет будет делом природы искусственной. В философии Лао-тци замечательно подробно и основательно выяснено, что не только появление природы искусственной есть признак падения и зла, но и разсуждение о природе естественной является уже зловещим симптомом. Таоистский философ Сы-ма-цян передает следующий разговор Конфуцияс Лао-тци. На сообщение Конфуция, что основа и-кинг есть разсуждение о человеколюбии и справедливости, Лао-тци сказал: «ныне справедливость и человеколюбие только пустой звук. Они лишь прикрывают жестокость и смущают сердца людей. Никогда не было больших смут, чем теперь. Голубь не купается каждый день, чтобы выглядеть белым, и ворона не красится каждое утро, чтобы казаться черной». Смысл слов Лао-тци тот: если бы голубь начал купаться, а ворона краситься, то это было бы признаком того, что они утратили естественную окраску. То же и с людьми. Если бы все были человеколюбивыми, почтительными и преданными, то никто не толковал бы об этих качествах, их никогда и не называли бы. Если бы все люди были добродетельными, то самые названия пороков не были бы известны. Речь о добродетели, это – первая ступень нравственного регресса, который Лао-тци изображает в следующей схеме: когда исчезает Тао (безсознательное осуществление добродетели), является добродетель (сознательное осуществление её возможно в человеке только при понимании порока); когда исчезает добродетель, является снисхождение (с терпением, но без любви оказываемое добро); когда исчезает снисхождение, приходит справедливость (нравственность сменяется правом); когда исчезает справедливость, приходит приличие, т.е. попросту лицемерие. Перестав быть справедливыми, люди продолжают еще стараться казаться справедливыми. Лао-тци не идет далее, но остающаяся ступень нравственного падения понятна сама собою. Человек

становится на нее, когда сбрасывает с себя последний покров стыдливости и, не прикрываясь никакими фразами, рвет и отнимает у других все то, что только может, для удовлетворения своего эгоизма. Из схемы Лао-тци вытекает, что существование высшего добра возможно тогда, когда не будет изучения добродетели и не будет борьбы, напряжений и усилий в её осуществлении. Высшая добродетель осуществляется сама собою без знания и без усилия. Всякое усилие быть верным природе противно ей по той причине, что оно есть усилие. Сильный ветер не дует целое утро, и проливной дождь не идет целый день. Так и усилия человека, чем они напряженнее, тем кратковременнее. Небо и земля не стремятся к жизни, оттого небо долговечно и земля постоянна. Мудрец становится на последнее место, т.-е. не пробивает себе дороги, и потому занимает первое. Не должно бороться, не должно противодействовать событиям, самое большее – нужно применяться к ним. Пассивность и самоотречение, вот – принципы, выдвигаемые Лао-тци.

Применяя их к правителям, он говорил: мудрый правитель помнит, что «народ растет, а не создается человеческими руками». Насколько это правило, считающее за собою более двух тысячелетий, выше претензий современных культурных людей перевоспитать и преобразовать народ по своему образу и подобию! И еще Лао-тци сказал о правителях: «тот, кто примет на себя безчестье страны, называется её властителем, а тот, кто примет на себя её бедствия, называется царем мира». Лао-тци приписывают изречение: «воздавай за зло добром». Сущность добра в человеке он полагал в сострадании, умеренности и смирении. Будучи сострадательным, я могу быть храбрым; будучи умеренным, я могу быть щедрым; будучи смиренным, я могу начальствовать над людьми. Но теперь люди отказались от сострадания и развивают только храбрость, отказались от умеренности и хотят быть только щедрыми, отказались от последнего места и ищут только первого. Поступая так, они, по Лао-тци, никогда не получают того, что ищут. Найдет тот, кто не ищет, кто не производит усилий. Самые слабые существа подчиняют себе в свете самых сильных. Ничего нет под небом и нежнее и мягче воды, однако вода преодолевает твердость скал и камней. Высшая форма добра подобна воде, благотворной для всех без усилия. Когда в империи много запретительных законов, народ все беднеет и беднеет; когда страна чрезмерно накапливает богатство, в семьях и государстве исчезает нравственность; когда люди становятся слишком искусными, в употребление входят странные и фантастические вещи; когда наказания чрезмерны, число преступников умножается. Поэтому мудрец говорит : «я ничего не делаю, и народ

совершенствуется сам собой, я люблю покой, и народ сам силою собственной воли становится справедливым; я не начинаю никаких предприятий, и народ обогащается; я не имею никаких желаний, и народ доволен». «Мудрец тихо живет в мире, но его ум сочувствует всем: народ смотрит на него и слушает его, а мудрец думает о нем, как о своих дѣтях». «Не судите своих ближних. Будьте довольны собою. Будьте целомудренны и не карайте других. Будьте сами вполне благоприличны, не режьте и не душите других. Учитесь прощать несчастному его испорченность. Если один человек умирает, а другой остается в живых, то почему же предполагать, что над тем или другим разразился небесный гнев. Истинно добрый человек любит всех и не отвергает никого. Он все уважает и ничего не отрицает. Он водится с хорошими людьми и обменивается с ними наставлениями, а над дурными людьми он работает, как над материалом, и главной целью своей жизни полагает возвращение их в Тао. Но тот, кто не уважает своего наставника и не любит своего материала, сильно заблуждается, хотя бы его и считали мудрым».

Не трудно видеть, что в учении Лао-тци заключалось много начал, которые должны были направлять его последователей к мысли о пустынножительстве и отшельничестве. Хотя Лао-тци нигде и ни в чем не высказывался против государства, но его теория естественной природы явно ведет к пассивной революции. Государство, конечно, представляет собою не естественную, а искусственную природу. В природе нет рангов, нет темниц, уголовного кодекса. Все это искусственно. Но по теории Лао-тци искусственную природу должно препобеждать не силою, а отступая перед нею. Мудрец, тяготящийся существующим строем жизни, должен выйти из него. Легенда представляет уже самого Лао-тци пустынником, одиноко жившим на горе. За чертою городов и селений на горах, в долинах, в лесах, которые еще не захватило человеческое общество, лучше всего и удобнее всего жить естественною жизнью.

С точки зрения Лао-тци спасение от войн, от искусственной природы нужно искать в естественной жизни. Беги от всего, что искусственно; беги из государства, беги от войны. Не имей ничего, и никто не станет у тебя ничего отнимать. Основатель буддизма Гаутама Сиддарта расширил точку зрения Лао-тци. Лао-тци говорил, что искусственная природа есть зло. Гаутама сказал, что всякая природа есть зло, потому что все бытие есть зло. Свое учение Гаутама предложил человечеству в виде четырех превосходнейших или святейших истин (ариани катиани). Вот эти истины.

I. Существует страдание. Рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, союз с немилым – страдание, разлука с любимым – страдание, недостижение желаемого есть страдание, пятиобразная привязанность к земному (телесность, ощущения, представление, воспоминания, сознание) есть страдание. II. Бытие и страдание есть одно, и причина бытия и страдания одна и та же. Эта причина есть желание бытия, желание бытия рождает бытие и ведет от возрождения к возрождению. III. Уничтожение желаний есть уничтожение бытия. Пока в своей воле и желаниях человек будет стремиться иметь мысли и чувствования, дотоле он не освободится от возрождений и не будет владеть истинным покоем. Только в совершенном ничто, где нет ни мышления, ни немышления, человек вполне освободится от скорби бытия. IV. Путь, ведущей к этому освобождению из круговорота (самсары) в небытие (нирваны), восмисоставен: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное дело, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспитание и праведное самоуглубление.

Сущность бытия есть страдание, сущностью морали должно быть сострадание. Всякое существование есть беспокойное желание, потребность наслаждений и при наслаждениях томление по новым наслаждениям. Бытие есть вечная смена явлений, в которой каждая форма возникает лишь затем, чтобы снова распасться, как водяной пузырь. Юность есть ничто, потому что она превращается в старость; красота есть ничто, потому что она исчезнет, как метеор; здоровье сменится болезнью, жизнь – смертью, но – и в этом заключается величайшее зло – и смерть есть ничто, так как она ведет к возрождению, к обновленному бытию, к новому кругу скорбей и страданий. Несчастливы все – и великие и малые, и сильные и слабые, и добрые и злые. Тварям не остается ничего, как смягчать страдание состраданием. Нужно сострадать всякой твари. Но – главное – нужно уходить и уводить от страданий. Источник страданий, как жизни, есть желания. Нужно угащать желания. Отсюда – разнообразные правила. «Кто победит самого себя, тот есть лучший победитель, его победы не может отнять у него никакой бог и никакой демон. Никакой огонь не сильнее желания, никакой плен не сильнее ненависти, никакая сеть не крепче страсти... Вырывайте самый корень желаний... Да подавляет человек в себе гнев, да подавляет высокомерие, разрушает всякие преграды... Гнев не утишится гневом, но смирением... Любовь приносит скорбь, и потеря возлюбленных тягостна; поэтому такая скорбь должна остаться далеко от тех, которые вступили на путь спасения...» Должно

подавлять в себе всякие стремления и привязанности, должно опустошать содержание духа. Гаутаме Будде открылась истина, что человек обладает способностью самоуничтожения. Для того, чтобы уничтожить себя, недостаточно провести ножом по горлу или выпить раствор чилибухи. Нужно совсем иное. Нужно умерщвлять не плоть, а дух. Умерщвлением плоти можно пользоваться лишь как средством для достижения умерщвления духа. Нужно угашать в себе и жажду знания и потребность любви. Нужно подавлять и уничтожать в себе всякую мысль. И когда содержание духа опустошится совсем, он станет ничем, его уделом будет нирвана. Этот выход из самсары в нирвану не потрясает самсары. Представим себе, что среднее звено между двумя другими перестает быть, тогда эти два звена оказываются смежными и связанными между собою, ибо иначе нужно было бы допустить, что их разделяет пустота, но пустота ни для чего не может служить преградой. Гаутама Будда нашел якорь спасения в силе самоуничтожения. И так как бытие есть зло, нужно пользоваться этой силой, нужно уничтожать себя, нужно угашать Дух.

Ясно что для буддиста война оказывается верхом бессмыслицы. В войне или что-нибудь отнимают или что-нибудь защищают. Но буддисту нечего отнимать: ему ничто не нужно. И буддисту нечего защищать, потому что у него нет ничего дорогого. Разумеется, никакой народ не мог следовать этой нигилистической теории, и буддисты, именуя себя последователями Будды Сакиа – муни (озаренного отшельника из рода Сакиа), живут теми же интересами, какими живет все человечество, они и воюют, обращаясь к войне, как средству защиты жизненных благ, а не как к способу самоуничтожения. Толстой сделал шаг назад от Сакиа-муни и Лао-тци. Толстой считал жизнь благом, но признавал, что существует и зло, и выдвинул тезис, что зло будет побеждено, если мы не будем противиться ему насильем. К словам Христа: «не противься злему» (Мф. 5:39) Толстой прибавил: «насильем», но во 1) кто уполномочил его сделать такое добавление и во 2) что под ним нужно понимать? Контекст Евангелия подсказывает очень простой смысл для слова о непротавлении: не противься злему человеку, когда он хочет у тебя отнять что-нибудь несправедливо, не противься ему, если он и осудит тебя. Но Евангелие не говорит, что такое непротавление должно быть безграничным, Христос взывает к великодушию человека, но не говорит: если тебя хотят зарезать, то подставь шею. И потом здесь идет речь о великодушии лишь к личным врагам, а не к врагам добра. Евангелие никогда не призывало быть великодушным на чужой счет. Моего соседа обокрали. Какую цену имеет

мое великодушие к вору? Вот, если я скажу соседу: друг! я заплачу тебе вместо вора, не преследуй его, тогда я поступлю по-евангельски, но если я откажусь осудить вора, т.-е. откажусь заботиться о благополучии моего ближнего, тогда мое деяние будет противно Евангелию, а не согласно с ним.

«Насилие» – термин, который можно толковать различно. В одном житии рассказывается, как гнавшиеся за христианкою языческие преследователи спросили пастуха, куда она убежала? Пастух, зная намерение спрашивавших, указал на ложный след. Это должно было спасти христианку. Спрашивается: хорош поступок пастуха или нет, сопротивлялся ли он злу насилем или средствами дозволенными – не скажу: Евангелием, но – графом Толстым? Для меня неясно, как Толстой должен бы был отнестись к этому поступку. Приведу другой пример. Человек в состоянии опьянения готов совершить убийство другого, к которому в сущности расположен, но на которого раздражился. Его насильно запирают. После некоторого времени он засыпает. Через несколько часов просыпается в здравом уме и твердой памяти. Ему рассказывают о случившемся и он искренно благодарит насильников, удержавших его от преступления. Для меня опять неясно, как нужно отнестись к этому факту по теории Толстого? Толстой своею формулой «не противься злу насилем» хотел дать всеобщую норму нравственного поведения. Но как нельзя из олова получить всех металлов известных в химии, так в его формуле нельзя найти руководительного начала для большей части поступков. Его формула имеет некоторое значение, ею утверждается истина, что нельзя добра достигнуть злыми средствами или что цель неотделима от средств, ею отрицается принцип, что цель оправдывает средства, принцип, царствовавший и царствующей в человечестве и совершенно неосновательно считаемый монополиею иезуитов.

Государство, с точки зрения Толстого, есть насилие, и это насилие уничтожится, если мы не будем исполнять его требований: не будем судить, не будем воевать. Я сказал, что в сущности это учение Лао-тци, но что Толстым оно предложено в самой неудачной форме и в самое неудачное время. В доброе, старое время легко было найти пещеру, которая была ничьею, реку, в которой всякий мог ловить рыбу, лес, рубка которого никому не возбранялась, и Лао-тци мог спокойно сидеть в такой пещере и иронизировать над Конфуцием, пытавшемся насаждать

справедливость и порядок в государстве. Но теперь в Тульской губернии нельзя найти ничьей поляны и ничьего леса и нельзя там найти места, где бы человек был свободен от «повинностей». С точки зрения Толстого исполнять эти повинности значит делать зло. Но как же не исполнять их, живя в государстве? От них можно освободиться, лишь живя *вне* государства. Тогда однако придется освободиться и от почты, и от телеграфов, и от железных дорог, и от школ, и от книг, в которых изложено учение мудрецов и раскрыта правда. Таким образом оказывается, что при попытках уйти от неправды придется потерять и дорогую правду. Как быть тут? Лично положение Толстого оказалось очень удобным. На Руси за ним признали лишь права, и не признали никаких обязанностей. Ему и его претензиям не стали противиться. Но, ведь, здесь получилось, что не Толстой не противился злу насилием, а ему не противились насилием. И применение государством к Толстому толстовского принципа непротивления сопровождалось самыми выгодными последствиями для государства. Толстой написал завещание, и его утвердил тульский окружный суд. Последовательница Толстого, его дочь, стала судиться с матерью. Таким образом Толстые признали нужду в судах. Но может быть самым идеальным и прямолинейным последователем Толстого был Хилков. Чем кончил он? Когда началась теперешняя ужасная война, он пошел воевать и был убит. Его сердце отвергло его теорию непротивления. Л. Н. Толстой умер четыре с лишним года тому назад. Как отнесся бы он к теперешней войне? Насколько я его понимаю, он бы разбил свои скрижали и с интересом и волнением следил бы за успехами союзников. Может быть в теории он от своих скрижалей и не отрекся бы, но на практике он бы их забыл.

Идеальные принципы, во имя которых мыслители боролись с войною и думали уничтожить войны, мало принесли пользы делу мира. Я, пожалуй, склонен пойти дальше и сказать, что они скорее содействовали войне, чем миру. Оставляю в стороне Будду, но таоизм в Китае дал не мало худого, у нас Толстым тоже пользуются не для целей мира, а для грубой борьбы с церковью и правительством. Мира и любви здесь не чувствуется.

Мне думается, что надежды на умножение мира могут обуславливаться только верою в святость христианства. Христианство, – должен прибавить и еще раньше еврейство – дало миру идею единства человечества, идею братства людей. В древнем мире не было этой идеи, в мире новом, как только оставляют христианство, оставляют и эту идею.

Различные народы могли произойти от разных животных – родоначальников, между ними нет единства происхождения и может не быть общности интересов. Поэтому и борьба между ними может быть естественна и законна. Христианство к еврейской идее единства происхождения присоединило идею равенства народов перед Богом и братства их между собою «Да будут все едино» (Ин. 17:21).

Но этим христианство вовсе не думало отрицать войны. Когда сильные обижают слабых, а мы с вами по пилатовски или по толстовски будем умыть руки и говорить: не наше дело, мы не должны противиться злу насилием, мы будем действовать не по христиански. Христиане первых и последующих веков были хорошими воинами, и наша лавра знает подвиги Пересвета и Ослябя, получивших благословение на брань от преподобного Сергия, и наша церковь знает много святых воинов. Но в то же время под влиянием и во имя христианства, когда оно стало религиею Европы, стали создаваться проекты всеобщего мира. Единство религии создало международное право. Уже в конце XII века Дюраном было основано братство мира. Как между христианскими церквами существует единство и они подчиняются решению соборов от всех церквей, так начали стремиться к созданию единства и союзов между христианскими государствами. Генрих IV, будучи королем и христианином весьма сомнительного благочестия, мечтал о создании из европейских государств одной великой христианской республики. Его современник Эмери де-ла-Круа предлагал создать постоянный конгресс, как орган для охранения мира. Гуго Гроций в сочинении *De jure belli ac pacis* развил теорию образования третейского суда для решения споров и недоразумений между государствами. Аббат Сен-Пьер составил проект образования союза европейских государств, по которому Европа в сущности становилась единым государством, подобным нынешней германской империи. Мыслители XVIII века энергично ухватились за идею Сен-Пьера. Но это не помешало XVIII веку пройти в войнах и завершиться французской революцией. В революции было мало христианского, но несомненно из христианства ею была взята идея всеобщего мира и уничтожения войны. Кант независимо от христианства провозгласил обязанностью людей служить идее общего и вечного мира (*Zum ewigen Frieden*. 1795). Теперь французы философию Канта пытаются представить, как двойную бухгалтерию: в теории – безграничная свобода, на практике – прусский намордник. Так, например, смотрит Луи Бертран (см. *Le Figaro*. 27 Janvier 1915. *Du Christianisme au Germanisme*). Я склонен думать, что такой взгляд заслуживает понимания. Я печатно еще в прошлом году высказал, что на

меня такое впечатление произвела философия Фихте. Но если речи о мире и любви в устах немецких философов были порою сознательным или бессознательным лицемерием, эти речи во всяком случае показывают, что немецкие философы смотрели правильно на обязанность людей служить делу мира.

В XIX веке идея всеобщего мира получила широкое сочувствие в культурных слоях и, что могут с гордостью отметить русские, императоры России усердно служили этой идее. Александр I, в целях мира, создал священный союз. Этот союз не был попыткой привинтить штык к евангелию, как выразился о нем известный русский историк, а попыткой парализовать евангелием действие штыка. Первая попытка оказалась неудачной, Регламент союза был таков, что согласно ему христианские монархи должны были противодействовать стремлению христиан освободиться от мусульманского ига – противодействовать грекам в борьбе с турками, но, ведь, и первые попытки летать на воздушных шарах тоже не были счастливыми. Войны Николая I и Александра II никогда не велись в эгоистических целях. Александр III перешел в историю с именем миротворца и историк, иронизировавший над священным союзом, отозвался о нем, что он во все время своего правления осторожной и терпеливою рукою отводил фитиль от той мины, которая была подведена под всю Европу. Заботы нынешнего монарха об утверждении мира на глазах у всех.

Людам свойственно пытаться рисовать себе картины будущего. Что же: какие картины мы имеем право рисовать себе? Картины всеобщей идиллии и гармонии в роде человеческом или чего-иного? Мы имеем два рода пророчеств, составленных разными смелыми авторами, надо признаться, безобразно суждальскою кистью. Одни рисуют нам социалистические утопии – очень нелепые и мало заманчивые. Другие рисуют картины вырождения и одичания человечества и гибели земли от холода. Первые руководятся идеями эволюции и прогресса, вторые исходят из законов геологии и астрономии. Но эти идеи и эти законы совершенно необоснованы в применении к будущему. Пусть им верит, кто хочет, но обязать верить в них нельзя. Да и верить можно во что-нибудь одно: в счастливую жизнь или в печальную гибель. А здесь во имя науки вам предлагают и то и другое. Людям христианской веры, думаю, самое лучшее руководиться по вопросу о будущем указаниями источника христианской веры – Библии. Не будем пророчествовать на основании её,

но постараемся понять то, что она говорит. Я позволю себе остановить ваше внимание на том, что говорили о будущем три еврейские пророка. Исаия писал: «и перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (2, 4 ср. Михея 4, 3). Война, по представлению пророка, должна не только исчезнуть в роде человеческом, но должна исчезнуть и среди всех тварей. «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море. И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, – и покой его будет слава» (Ил, 6–10).

Картина, нарисованная пророком, идет далее самых радужных грез новейших мечтателей. Последние не думают кормить льва соломою, да и сами повидимому ненамерены отказываться от мяса. Они не думают о преобразовании мира, они мечтают лишь о преобразовании порядков в человеческом мире. Мечты недалекие и надежды на порядки мало обоснованные. Но пророк говорит, что будет преобразован весь мир и что все дышащее перестанет питаться кровью. Так. Но вот речь другого пророка: «перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши – на копья; слабый пусть говорит: я силен» (Иоилю 3, 10). И эти слова произносятся от имени Господа. По Исаии орудия войны будут обращены в орудия земледельческие, по Иоилу – земледельческие орудия будут обращены в военные. Третий пророк говорит иное. От имени Господа он возвещает: и сокрушен будет бранный лук; и Он (царя Салима) возвестит мир народам, и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли» (Захар. 9, 10).

Если мы обратимся от этих пророческих вещаний к настоящему моменту, то увидим, что поставлена задача сокрушить лук Германии. Для этой цели и земледельческие орудия перековываются на военные. Но все это делается в виду высшей задачи, чтобы в конце – концов перековать мечи на орала, уничтожить войну и освободить всю тварь „от рабства тлению в свободу славы детей Божиих“ (Римл. 8, 21).

Но произойдет ли это?

Взоры пророков, слова которых мы приводили, обращались к царству мессии – Христа. Но было бы с нашей стороны крайне необдуманно претендовать на то, что мы сами собою поняли их верно и точно. Апостол говорил: «никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2Петра 1, 20–21). Мы можем уразуметь эти пророчества лишь в той мере, в какой они исполнились. Мессия по нашей вере пришел. Мессианское царство основано, но это вовсе не значит, что мессианский идеал уже осуществлен.

Христос велел возвещать апостолам: «приблизилось к вам царствие Божие» (Лк. 10, 9, 11). По мысли Евангелия пришествие Христа на землю было вместе с тем и основанием царствия Божия. Но Христос также сказал: «не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34; Лк. 12, 51). Изображая будущие судьбы человечества, Христос возвестил: «возстанет народ на народ, и царство на царство и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга... и по причине умножения беззакония, во многих охладее любовь» (Мф. 24, 7, 10, 12).

И так, с одной стороны – царство Божие, которое есть правда, мир и радость о Духе Святом; с другой стороны – раздоры семейные, раздоры внутреннегосударственные, войны, беззаконие и ненависть.

Как примирить это? Не мало находится лиц, которые говорят, что христианство не дало миру того, что обещало. Когда христианство стало государственной религией, то удивились не величию победы, а ничтожеству достигнутых результатов. После того, как евреи не приняли Христа, не будем удивляться, что многие, называющее себя христианами, не приняли царствия Божия. Христос сказал: «царство Мое не от мира сего» (Иоан. 18, 26). «Царствие Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него» (Лк. 16, 16). И наконец: «не придет царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20–21). Каким же образом и где праздные люди собирались созерцать царствие Божие, не имея его в себе? Царство Божие не есть нечто внешнее, не есть организация, не есть даже

церковь, потому что церковь есть организация. Церковь и царство Божие понятия близкие, но не совпадающие. Церковь – учительница истины, руководительница правдою, подательница благодатных даров. Царство Божие – совокупность истинно святых членов церкви независимо от их иерархического и церковного положения. Сколько их? где они? Разве может это знать кто-либо? Некоторые из них отмечаются особо благодатию Божиею, как Серафим Саровский и Иоанн Кронштадтский, но многие никак не являют себя миру. Они служат миру, молясь о нем, но мир не знает их.

Так царство Божие остается невидимым для тех, кто не желает его искать. Но не зная и не желая знать царства Божия, они однако хотят быть членами царства счастья. Царство Божие силою беретса и употребляющее усилие входят в него, царство счастья хотят создать и войти в него насилием. О царстве счастья думают, что оно непременно должно быть мало и что в нем далеко не может хватить места для всех желающих быть членами его. А членами этого царства желают быть все. Отсюда у людей, стремящихся поселиться на блаженных островах земли, возникает двойная задача: во-1) попасть туда самим с своими присными и близкими, во-2) не пустить туда чужих. Эти две задачи создают необходимость войны одних с другими. Добрые немцы не намерены пускать в свою Валгаллу ни славян, ни кельтов, но и славян и кельтов они очень желают заставить работать на Валгаллу и на её пиры.

Здравый смысл, которого у немцев не мало, конечно, выясняет, что война вообще невыгодна, не выгодна и для победителей. Что будет пользы от германских побед сыну германского канцлера Бетман – Гельвету погибшему в борьбе с русскими и погребенному где-то безвестно? Чем может возместить сам канцлер эту потерю? Но при отсутствии нравственно-религиозных начал здравый смысл не удержит от войн и не сократит их числа. Во имя здравого смысла нам наши соседи будут говорить о любви и мире, но их речи будут лукавы и лицемерны. Еще Давид молил, обращаясь к Господу: «не погуби меня с нечестивыми и с делающими неправду, которые с ближними своими говорят о мире, а в сердце у них зло» (Псал. 27, 3. Сравни Псалм. 54, 22). Пророк Иеремия неоднократно указывал, как не оправдывались обещания мира. «Ждем мира – и ничего доброго нет; ждем времени исцеления – и вот, ужасы» (Иерем. 14, 19 и 13; 5, 12; 8, 15). И в новом завете апостол возвестил: «будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут

избирать себе учителей, которые льстили бы слуху» (2Тим. 3:3) и «когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фессал. 5:3).

Итак, не должно поддаваться обещаниям мира и счастья. Никакого царства счастья никогда не будет без царства Божия, а царство Божие внутри нас есть. Итак, нужно стремиться создать мир в самих себе, тогда можно надеяться, что мир явится и вне нас. Мы не можем пророчествовать о будущем, но мы должны знать, что, какое бы ни было будущее, оно будет создано нами. На наши заботы о мире и на наши стремления к миру – стремления, разумеется, не лицемерные и не своекорыстные Господь ответит тем, что на земле будет мир, в человеках благоволение (Лк. 2:14).

У евреев есть поверье: если бы евреи соблюдали две субботы, то мессия бы пришел. Евреи не верят, что он пришел, и тем самым свидетельствуют, что они не соблюдают заповеди о субботе. Не будем самообольщаться. Не соблюдали и не соблюдаем мы ни суббот, ни воскресений. И несмотря на это, мы знаем: мессия пришел. Тем более пришедший спасет нас, если мы будем просить о спасении.

Но хотя мессия пришел, хотя приблизилось царство Божие, мессианское царство в его идеале не пришло. Но если бы христиане (только христиане) не скажу: все, но в своей большей части хотя бы на один день прониклись сознанием правды и постарались бы осуществить заповедь Христа: «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12), если бы на земле только на один день случилось это, войны исчезли бы навсегда и навсегда на земле утвердилось бы мессианское царство мира и любви.

Примечания

¹ - Лекция в пользу сербского красного креста, произнесенная в Императорской московской духовной академии 15 февраля 1915 г.

² - Вот сказание Бундегеша – священной книги персов – о первом грехе. «Человек был, отец мира был. Небо назначено было ему под условием, чтобы он был покорен сердцем, чтобы он со смирением делал дело закона, чтобы он был чист в своих мыслях, чист в своих словах, чист в своих действиях и чтобы он не признавал дэв (демонов). При таких условиях мужчина и женщина должны были составлять взаимно счастье друг другу. Таковы были вначале их мысли, таковы были их дела. Они сблизились и жили вместе. Сначала они говорили эти слова: Агура-Мазда дал воду, землю, деревья, животных, звезды, луну, солнце и все блага, которые идут от чистого корня и от чистого плода. Но потом ложь покрыла их сердца, она извратила их расположение и сказала им: Ангра-Мениус дал воду, землю, деревья, животных и все то, что названо выше. В начале Ангра-Мениус обманул их относительно дэв и до конца этот жестокий искал только гибели их. Поверив его лжи, оба они стали подобны демонам, и их души будут в аду до обновления тела. Они питались в течении 30 дней, они покрывались черными одеждами, через 30 дней они пошли на охоту, белая коза предстала им, они извлекли своими устами молоко из её сосцов и питались этим молоком, которое доставляло им много удовольствия. Дэв, который говорит ложь, стал более смелым, он предстал во второй раз и принес им плоды, которые они ели, и вследствие этого из ста преимуществ, которыми они пользовались, у них не осталось ни одного. После 30 дней и 30 ночей серый и белый баран предстал, они отрезали у него левое ухо. Наученные небесными язатами, они извлекли огонь из дерева копер, ударяя по нем куском дерева. Оба они удивились древесному огню, они раздули его дыханием уст, они зажгли сначала куски дерева кона, потом финикового и потом мирты. Они изжарили барана, которого разрезали на три части... Съевши мясо собаки, они покрылись шкурою этого животного, они предались потомъ охоте и сделали себе жилища из шкуры диких зверей».

³ - Цитата из Соловьева Владим. С. – Всемирная монархия (Брокгаузер – Словарь. 13 стр. 392).

Содержание

профессор Сергей Сергеевич Глаголев Мечты о прекращении войн1 профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
Примечания	32